

Б. КОНТНЫ, Д. Ю. САВЕЛЯ

ВООРУЖЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА В КИЛЕН-БАЛКЕ

В 1968 г. в Килен-балке, расположенной в восточной части Гераклеийского полуострова, недалеко от Херсонеса Таврического, случайно обнаружили позднеантичный могильник, занимающий верхнюю и среднюю часть крутых склонов. В этом же году был исследован один склеп IV в. н. э. В 1991-1992 гг. археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством О. Я. Савели раскопала семь склепов с дромосами¹. К сожалению, многие из них оказались ограбленными. В каждом склепе находилось несколько погребений по обряду трупоположения. Усопших хоронили на спине в заколоченных гвоздями деревянных гробах, помещенных вдоль длинной оси склепа. Погребальный инвентарь включает разные категории: монеты, украшения и фрагменты одежды, инструменты, пища, сосуды, а также оружие, которое и анализируется в нашей публикации.

В могильнике обнаружено только наступательное оружие: наконечники древкового оружия, топор, а также мечи (кинжалы). Ниже предлагаем подробную характеристику данных находок. Другие категории археологического материала и обобщающие выводы, включающие характеристику погребального обряда, а также полный каталог погребального инвентаря содержатся в докладах, представленных на конференциях в 1994 и 1997 гг.²

Наконечники древкового оружия

В Килен-балке обнаружено 7 железных наконечников. Все отличаются отсутствием четко выделенного пера и близки к конусообразной форме. Профиль острия – четырехгранный или округлый.

¹ Авторы выражают благодарность О. Я. Савеле за предоставление материалов, являющихся предметом настоящего исследования.

² До настоящего времени вышли обобщающие статьи, характеризующие могильник в Килен-балке [1; 2], а также исследование краснолаковой керамики [3; 72].

Экземпляр из склепа, открытого в 1968 г., сохранился фрагментарно (рис. 1,1) – часть втулки длиной 4,5 см и внешним диаметром 2,7 см. На поверхности можно заметить оттиск ткани, широко употреблявшейся в погребальном обряде могильника в Килен-балке (накрывание покойника, выстилание гробов и т.д.; фрагменты ткани найдены также на наконечнике в погребении I склепа № 3).

В склепе № 2 найдены два наконечника. Первый имеет форму близкую конусообразной, а в части пера – пирамидальной формы; в результате сильной коррозии разрушена часть острия (рис. 4,1). Размеры наконечника: сохранившаяся длина – 15,8 см (оригинальную длину восстановить невозможно), внешний диаметр втулки – 2,6 см, внутренний – 2,0 см. Профиль втулки округлый, равномерно расширяется к устью. В ее верхней части наблюдается незначительное сужение – единственный элемент, позволяющий выделить перо. Профиль пера четырехгранный, близкий ромбовидному. На втулке сохранился след шва, свидетельствующий об изготовлении втулки методом на стык. Аналогичную форму имеет другой наконечник (рис. 4,2), также со следами коррозии, особенно в области острия. Его реконструированная длина составляет 15,6 см, внешний диаметр втулки – 2,0 см, внутренний – 1,7 см. Первоначально ошибочно указывалась длина 17 см, за счет спаянного ржавчиной наконечника железного гвоздя – элемента конструкции гроба.

В погребении I склепа № 3 лежал наконечник, равномерно расширяющийся к устью, со следами сильной коррозии, длиной 24 см (рис. 5,2). Втулка в разрезе округлая, внешний диаметр втулки – 2,5 см, внутренний – 1,9 см. Подобный наконечник находился в погребении II этого же склепа, с округлой в разрезе втулкой и ромбовидным пером. Наконечник сильно корродирован, перо – обломано (по причине плохой сохранности находка не зарисована). Сохранившаяся длина составляет 11 см (реконструкция изначальных размеров невозможна), внешний диаметр втулки – 1,9 см, внутренний – 1,6 см.

Из склепа № 4 извлечен еще один, очень ржавый, конической формы наконечник, сохранившийся в трех фрагментах (рис. 8,1). Профиль наконечника округлый (в области пера это определение является не очень точным из-за сильной коррозии). Наконечник имеет следующие размеры: сохранившаяся длина – 24,0 см (реконструированная – 24,6 см), внешний диаметр втулки – 2,9 см, внутренний – 2,0 см. В склепе найден также фрагмент втулки наконечника длиной 7,0 см, очень расщепленной в области устья (вероятно, в результате коррозии), заинвентаризованного под тем же номером, а также фрагмент острия наконечника длиной 10,6 см. Без сомнения, эти фрагменты не относятся к описанному выше экземпляру, а, скорее всего, составляли один отдельный наконечник (рис. 8,2). Оба фрагмента покрыты толстым слоем коррозии и их профили определить невозможно.

Внутри втулок всех наконечников сохранились остатки древка (порода не определена). В то же время ни в одном случае не замечено использования заклепок, гвоздей, колец, наложенных на втулку, или иных приспособлений, служащих усилению крепления втулки на древке.

Хронология исследованных форм ограничивается в рамках фаз C_3 - D_1 , то есть IV в. н. э.³ Определение даты наконечника из склепа, открытого в 1968 году, возможно исключительно на основании хронологии эмиссии найденных здесь бронзовых монет времени Константина Великого (306-337 гг.), которые позволяют отнести указанный наконечник к первой половине IV в.⁴ В то же время поздним периодом фазы C_3 и фазой D_1 , то есть несколько позднее, чем монеты, следует датировать стеклянный кубок на ножке (рис. 1,3) местной продукции [ср.: 4, S. 192, Abb. 5,15-16]. Это может указывать на более продолжительное время использования склепа.

Из склепа № 3 происходит пять монет IV в., в том числе выпущенная при императоре Валенте (364-378 гг.). Она позволяет отнести комплекс к фазе D_1 , однако необходимо подчеркнуть, что склеп был ограблен. В таком случае монеты и вооружение могут принадлежать разным захоронениям, отдаленным хронологически. Поэтому следует принять более общую дату – IV век. Самые ранние монеты были выпущены во время правления Константина Великого (307-337 гг.)⁵.

³ Хронология по И. Тейралу [4; 5; 6; ср.: 7].

⁴ Монеты, найденные в склепах Восточной Европы, являются достаточно надежным временным репером для определения абсолютной хронологии, особенно в отношении периода перехода от римского времени к ранней эпохе великого переселения народов [4, S. 211; 6, S. 238; 7, S. 264], если предположить короткое время их оборота перед помещением в захоронение. Подобное состояние вещей является следствием стабилизации в провинциях во время правления представителей династии Константинов, а также проводимой ими политики денежной реформы, в результате чего новые бронзовые монеты заменяли старые эмиссии, которые быстро выходили из оборота. Стабилизации в Причерноморском регионе могло способствовать существование готского государства Германарика [8, p. 129-132]. Соглашаясь с вышесказанным, следует отметить существование иных точек зрения на данную проблему. А. К. Амброс обратил внимание на разницу в несколько десятков или более ста лет между датировкой эмиссии монет, которые были обнаружены в захоронениях [9, с. 34]. В случае могильника в Килен-балке эта разница определяется в несколько десятков лет (что касается определения и датирования монет из Килен-балки [10], авторы благодарят С. А. Демьянчук за предоставление итогов исследования нумизматического материала). В свою очередь, по мнению И. Н. Храпунова, монеты, выпущенные после смерти Константина I, попадали к варварам в Крым только случайно, и поэтому захоронения второй половины IV в. не могут быть датированы на основании нумизматического материала [11, с. 43].

⁵ Хронологическое определение можно дополнить результатами исследования краснолаковой керамики из Килен-балки В. Нессель [3; 72]. Однако, они не представляют более точных хронологических реперов, чем находки, использованные в настоящей работе, и укладываются в рамках начала IV – середины V вв.

Наконечник из погребения I склепа № 3 можно датировать на основании находок пряжек. Здесь обнаружены небольшая цельная пряжка с овальной утолщенной рамкой типа Н12 (рис. 5,5), бронзовая пряжка с в-образной рамкой типа Н41 (рис. 5,4), а также железная пряжка (рис. 5,3), подобная типу Н30 по Р. Мадиде-Легутко [12]. Эти формы исследовательница датировала фазой D; только экземпляры типа Н30 были распространены в позднем периоде римского времени и в начале эпохи великого переселения народов [12, S. 64-66, 68]. Так как отнесение железной пряжки к типу Н30 не однозначно, основное значение приобретают остальные пряжки. Экземпляры, относящиеся к типу Н12, И. Тейрал считал характерными для последней фазы черняховской культуры [6, Abb. 6,14], датированной в общих чертах временем правления Валентиниана (364-375 гг.) [6, p. 236]. Ученый признавал их также характерными для фазы D₁ в пшеворской культуре [6, Abb. 9,20]. Пряжки этого типа, найденные в Крыму, И. Тейрал связывал с рубежом фаз C₃/D и фазой D₁ [4, S. 209-212, Abb. 6,18-19]. На позднюю хронологическую позицию исследованного комплекса указывает пряжка с в-образной рамкой. И. Тейрал считал, что такие пряжки формируются под влиянием кочевников, а их появление в Восточной Европе относил к началу V в. (конец фазы D₁) [5, S. 250]. Необходимо при этом отметить, что он высказывался по поводу экземпляров, украшенных поперечными насечками, пряжка же из описанного захоронения является гладкой. Также можно встретить менее достоверное мнение, что пряжки с в-образной рамкой с рифлением появляются уже около середины IV в. [13, с. 28]⁶. В таком случае погребение I склепа № 3 следует датировать концом фазы D₁.

Также на основании пряжек, входящих в состав погребального инвентаря, может быть установлена датировка погребения II склепа № 3 и найденного там наконечника. В данном склепе обнаружены три цельные бронзовые пряжки с овальной утолщенной рамкой: две небольшие, типа Н12 (рис. 6,3-4) и одна средней величины (рис. 6,2) (размеры рамки 2,7x2,2 см), подобная типам Н11-12 или Н30 по Р. Мадиде-Легутко [12]. Вышеуказанные типы датируются концом римского времени и началом эпохи великого переселения народов [12, S. 63-64, 68]. Появление овальных пряжек с утолщенной рамкой в пшеворской культуре К. Годловски синхронизировал с фазой C₃, а не с фазой D₁, опираясь на материал могильника пшеворской культуры в Опатове, Клобутского района [15, S. 48]. И. Тейрал также считает подобные формы характерными для пшеворской культуры фазы C₃ [6, Abb. 3,5]. Он синхронизировал пряжки такого типа из Крыма с находками черняховской культуры, с ее поздней фазой,

⁶ Пряжки с в-образной рамкой в период великого переселения народов имеются также в Литве, Западной Померании и бассейне Рейна [ср.: 14, p. 253-254].

датирующей второй половиной IV в. (поздний период фазы C₃ и фаза D₁) [4, S. 192-194]. Таким образом, вышеописанный комплекс следует датировать фазой C₃, а принимая во внимание бронзовые монеты, найденные в склепе и датированные IV в. (самая поздняя из монет была выпущена во время правления императора Констанция II, т.е. в 337-361 гг.), бесспорно поздним ее периодом. В склепе также найден бронзовый перстень типа I по И. Н. Храпунову, встречающийся в комплексах III–IV вв. [11, с. 46, 91-94].

Наконечник из склепа № 4 следует отнести к фазе C₃, более того, к ее раннему периоду. На это указывает, с одной стороны, хронология принадлежащей к числу погребального инвентаря железной пряжки типа H11 по Р. Мадиде-Легутко, датированной поздним периодом римского времени и началом эпохи великого переселения народов [12, S. 63-64], а с другой стороны – римские монеты, выпущенные во время правления Диоклетиана (284-305 гг.) и Максимиана (286-305 гг.). Однако не следует исключать более поздней датировки, так как в ограбленном захоронении теоретически могли находиться более поздние вещи.

Проблематика конических наконечников в Средней Европе уже была поднята одним из авторов настоящей работы [16, p. 132-133, pl. 60]. Согласно проведенным исследованиям, железные конические наконечники, хотя и в незначительном количестве, спорадически появляются на территории Европы уже в раннем доримском периоде⁷. В пшеворской культуре помимо датирующихся этим временем экземпляров, найденных в основном на территории Мазовии, известна также группа позднеримских форм, открытых на территории Силезии. Эти находки были интерпретированы как подтоки, т.е. нижняя оковка древкового оружия. Однако их значительные размеры, превышающие стандарты, характерные для подтоков с пространств варварской Европы, а также наличие острия свидетельствуют о том, что мы имеем дело с предметом, служащим для нанесения ударов. На это указывает также контекст их обнаружения: среди инвентаря захоронений их почти не сопровождали «традиционные» наконечники, таким образом они не являются нижней оковкой древка, а, бесспорно, выполняли наступательную функцию. Об их назначении также свидетельствует находка наконечника из захоронения 32 из Крапковиц, Крапковицкого района, который имел небольшие «заусеницы» на участке острия. Вышеупомянутые шипы затрудняли изъятие оружия из раны или щита противника, поэтому этот предмет мог служить только как наконечник копья, которое использовали один раз, т.е. для метания с дистанции в направлении противника, а не пики, предназначенной для нанесения многочисленных ударов в рукопашном бою.

⁷ Их появление связано с костяными коническими наконечниками, пользующимися популярностью в Северной Европе доримского периода [ср.: 17, p. 142-147; 18, p. 166-168; 19, p. 219-221].

Возможно, такое вооружение также использовали балтийские племена. Предмет, похожий на конический наконечник, был найден в захоронении 64 в Гонщере, Пишского района (бывший Gonschor, Kr. Sensburg) богачевской культуры. Его сопровождала железная фибула Almgren 161-162 [20, S. 26, Abb. VIII,6; XXVI,8], датированная фазой C₁ [21, p. 34]. Вытянутая форма, а также наличие острия у предмета могут свидетельствовать, что и в этом случае мы имеем дело с наконечником древкового оружия, хотя отсутствие данных о размерах находки, а также ее профиля затрудняют решение этой задачи.

Находки, близкие по форме, но меньших размеров, также известны из погребений позднееримского периода (C₂-C₃) в Моравии (Хрубчице, округ Простеев, погребение 2; Костелец на Хане, округ Простеев, погребение 159 [22, Abb. 13,7,12]). В этом случае, однако, речь идет о наконечниках стрел, напоминающих формой черешковые, но насаженные с помощью втулки (втульчатые). Такой способ известен, прежде всего, в Северной Европе [23, pl. 1,6-8; 2,16-17; 24, S. 402-403]. Похожую форму имели наконечники древкового оружия позднееримского времени и начала эпохи великого переселения народов в Северной Европе. Речь идет о типе Navor, который датируется поздним периодом C₃ и началом фазы D₁ [25, S. 53-59]. Подобные предметы обнаружены также на территории пшеворской культуры, на что обратил внимание И. Илькьер [25, S. 58]. Эти наконечники были отнесены П. Качановским к типу XXV, распространенному главным образом в фазах C_{1b}-C₂, хотя имелись также в фазе C₃-D. Наконечники типов XXV и Navor отличаются незначительным зауживанием нижней части пера, подобно наконечнику из склепа № 2 в Килен-балке⁸.

Хронология средне- и североевропейских форм и наконечников из Килен-балки в значительной мере стыкуется. Однако это не означает непосредственного заимствования. Конической формы наконечники были известны и в районе Восточной Европы: на поселениях черняховской культуры Русяны 4, Единецкого района и Кобуска-Веке 1, Новоаненского района, а также могильника Будешты, Крульянского района (все на территории Молдавии) [26, рис. 20,3,18-19; 27, с. 309, рис. 6,9-12]. Некоторые из этих наконечников равномерно расширяются к устью втулки (Русяны, Кобуска-Веке [26, рис. 20,19; 27, рис. 6,9,11]), другие характеризуются сужением, отделяющим четырехгранное в разрезе перо от округлой втулки (Русяны, Будешты [26, рис. 20,3,18; 27, рис. 6,10,12]). Отсутствие точного контекста этих находок мешает уточнению их датировки, возможно, следует исключить самые ранние фазы черняховской культуры, когда ее распространение территориально еще не охватывало Молдавию [ср.: 29, Abb. 5-9]⁹.

⁸ Наконечники копий похожей формы, однако с ярко выраженной границей между пером и втулкой, известны на римских *castelli* в Дакии [28, Abb. 3].

⁹ По мнению А. Коковского, хронология могильника в Будештах вписывается в рамки фаз C₂-C₃/D₁, может быть D₁ [29, tab. 1].

Следующие аналогии прослеживаются на территории Абхазии в цебельдинской культуре. В погребениях, датированных III–IV вв., найдены конические наконечники с профилем острия округлой или четырехгранной формы, однако без сужения между пером и втулкой. Подобные находки были трактованы как подтоки или наконечники копий, обращая внимание, что они не всегда создавали комплекты с наконечниками [30, с. 127, рис. 2, 10-11, 14-15, 18; 31, рис. 29,4; 30,3; 32, рис. 6, 15, 17; 8,40]. В пользу того, что конические предметы являются наконечниками, говорит тот факт, что в могильниках с труположением их находили рядом с наконечниками, имеющими выделенное перо, параллельно им, около головы, например Цибилиум 1, погребения 50 и 73 [30, с. 143, 154, рис. 14; 20]. Такое расположение указывает на аналогичную функцию обоих типов наконечников¹⁰.

Самые близкие аналогии находим в Крыму в могильнике Дружное, Симферопольского района, могилы 58В и 59 [11, с. 27, 28, рис. 142,3; 148,6]. Первый из упомянутых наконечников, длиной 10,6 см, имел выделенное за счет сужения острие. Другой – длиной 21,2 см, характеризовался округлым разрезом и равномерно расширялся в сторону втулки. Оба комплекса И. Н. Храпунов датирует IV в. [11, с. 93].

На настоящем этапе исследования необходимо обратить внимание на очевидную популярность наконечников этого типа в позднеимское время и в начале эпохи великого переселения народов в разных частях Европы. Однако трудно определить, где находился прообраз наконечников из Килен-балки, хотя, принимая во внимание географическое расположение, скорее всего, следует искать в районах Молдавии или цебельдинской культуры. Правда, абхазские аналогии значительно превышают численностью открытия на территории черняховской культуры, однако, следует помнить, что в готской среде (к которой причисляется эта культурная единица) обычно отсутствует вооружение среди погребального инвентаря.

Необходимо напомнить, что появление приземистых наконечников с узким пером значительной длины объясняется условиями боя с противником, защищенным металлическими латами [33, с. 48; 34, р. 84]. Оружие такого типа характеризовалось большей эффективностью проникновения, удачно пробивая панцирь противника.

¹⁰ В случае наконечников из Килен-балки проведение аналогичных наблюдений затруднено, т.к. большинство склепов было ограблено, а наконечники – переложены (склеп 1968 г., склепы №№ 2 и 4). Единственно можно утверждать, что в склепе № 3, в погребениях I и II наконечники находились в области правого предплечья.

Топор

В погребении I склепа № 3 обнаружен железный топор с асимметричным лезвием, с едва обозначенной бородкой (рис. 5,1)¹¹. Как обух, так и острие выразительно отделены от округлой в разрезе основы, не имеющей щековиц. Основные размеры оружия: общая длина – 15,5 см, ширина лезвия – 4,5 см, длина обуха – 2,9 см. Внутри втулки сохранились остатки дерева (не исследованы)¹². Согласно классификации Г. Киферлинга [35], топор следует охарактеризовать параметром А.с.03 – поперечный разрез; продольный разрез, подобный модели 4.10 и 1.06. Отнесение этого экземпляра к какой-нибудь из групп, выделенных Г. Киферлингом, невозможно из-за существенных отступлений от выделенных исследователем образцов. Впрочем, следует отметить, что в своей работе ученый не рассмотрел ни одного топора, происходящего из Крыма.

Экземпляр из Килен-балки не является исключительным открытием в Крыму. Подобные топоры были обнаружены в захоронениях с трупосожжениями в Хараксе (Ай-Тодор), например, в погребениях 7 и 19 [36, с. 266, 270, рис. 11,1; 10,4]. Первый из них отличается от находки в Килен-балке слабо обозначенными щековицами и слегка выгнутым кверху верхним краем острия. Однако, обе находки, как и топор из Килен-балки, характеризуются вытянутой формой, асимметрией острия и выразительно обозначенным обухом. Только в случае первой из находок автор публикации определил длину – 18,8 см, что в общих чертах соответствует размерам исследуемого нами экземпляра. Еще один топор обнаружен в захоронении с трупосожжением 18, но, увы, В. Д. Блаватский не предоставил никаких касающихся его подробностей [36, с. 269-270, рис. 10,4]. Эти находки, судя по сопровождающим их монетам, а также керамике черняховской культуры (погребение 7), датируются рубежом III–IV вв. и первой половиной IV в. [36, с. 270; 37, с. 119]. Подобные топоры также обнаружены в могиле № 3, погребении А и могиле № 39 в Дружном [11, с. 15, 24-25, рис. 72,3; 122,4], но ближайшую аналогию, учитывая простую форму края острия, представляет экземпляр из могилы № 85 того же могильника [11, с. 36, рис. 207,1]. По мнению И. Н. Храпунова, топоры датируются IV в. (могилы №№ 3 и 85) или второй половиной III в. (могила № 39) [11, с. 67, 69, 71]. Хотя находки отличаются размерами (топор из могилы № 3 длиной 22 см, экземпляр из могилы № 39 – 10 см, из могилы № 85 – 13 см), но с точки зрения морфологии изделия объединяются в компактную группу¹³. Хронология топора из Килен-балки не

¹¹ Асимметрия лезвия объясняется использованием оружия для метания в сторону противника способом, подобно как действовали топором типа *francisca* западноевропейские германцы эпохи великого переселения народов [35, S. 339; 30, с. 128; 31, с. 93-94; 11, с. 52].

¹² Как было сказано выше, погребение I склепа № 3 следует датировать концом фазы D₁.

¹³ В Крыму, в могильнике Мангуш, обнаружена еще одна находка, относящаяся к описан-

противоречит представленным выше временным границам распространения топоров в Крыму.

Топоры описанного выше вида, в том числе экземпляр из Килен-балки, находят аналогии на территории античной Цебельды (Абхазия), где эта категория вооружения пользовалась исключительной популярностью. Согласно типологии обухового оружия этого региона, представленной Ю. Н. Вороновым и Н. К. Шенкао, экземпляр из Килен-балки следует причислить к типу II, к которому относятся топоры с тупым обухом и узким острием. Однако топоры типа II не были многочисленны. По мнению археологов, работающих с материалами из Цебельды, они были отмечены в комплексах IV–VII вв. [30, с. 127, рис. 3,13-16; 32, с. 195-196, рис. 9,25; 39, рис. 3,2; 5,12], а М. Казанский относит их к позднеримскому периоду до VI в. [38, р. 458]¹⁴. С. Ю. Каргопольцев и И. А. Бажан синхронизируют подобные топоры с фазой C₂/C₃ [37, с. 119]. Однако ни один из упомянутых авторов не представил убедительного хронологического анализа.

Топоры с асимметричным острием известны и на территории черняховской культуры. Они характеризуются прямой формой верхнего края острия и отсутствием обособления обуха (так называемый тип *Kompanijcu/Böhme II A*) [27, с. 308; ср.: 38, р. 456-458], чем отличаются от большинства крымских экземпляров, за исключением топора из погребения 85 в Дружном. Среди асимметричных топоров черняховской культуры исключением является экземпляр из Русян 4, Единецкого района в Молдавии [26, рис. 20,20], характеризующийся выразительно выделенным обухом и причисленный к типу Воронов-Шенкао II [38, р. 482; 27, с. 308], в свою очередь он значительно отличается от экземпляра из Килен-балки и других находок из Крыма приземистостью пропорций.

Следует поставить вопрос о происхождении топора из Килен-балки. Обычно принято, что топоры с асимметричным острием берут начало от среднеевропейских форм, откуда распространяются на восток. Подтверждением этому может служить отсутствие локальных прообразов на востоке, в том числе на территории Абхазии [30, с. 128; 37, с. 118-119]. Существуют попытки проследить исходную территорию этой формы, связывая ее с надлабским кругом и любошицкой культурой, прежде всего, с точки зрения хронологии [37, с. 120-121]. Есть многочисленные находки таких топоров в бассейне рек Лабы и Одры в фазе C₁, а их появление прослеживается уже в фазе B_{2b} [40, р. 51-53; ср.: 35, S. 355]¹⁵.

ному далее типу Воронов-Шенкао II [38, р. 458, 483, fig. 9,2]. Хотя топор имеет асимметричное острие, но значительно отличается от экземпляра из Килен-балки тонкостью и длиной обуха.

¹⁴ Следует уточнить, что экземпляр из погребения 19 в Хараксе (Ай-Тодор) М. Казанским был причислен к типу *Kompanijcu/Böhme II A*, что может быть следствием неточной копии иллюстрации В. Д. Блаватского [ср.: 36, рис. 10,4; 35, fig. 8,15].

¹⁵ Среди асимметричных топоров с территории любошицкой культуры самой близкой аналогией является экземпляр типа B, отличающийся явно зауженным обухом [40, р. 51].

Появление таких форм в Восточной Европе могло иметь место не раньше, чем в первой половине III в. [37, с. 120], но приведенные выше примеры указывают на то, что это могло произойти и позднее, даже в конце III в. Указанное влияние связывают с готскими миграциями, возможно, контактами между надлабским кругом и любошицкой культурой с одной стороны и готским кругом – с другой [37, с. 121-122; 35, S. 355]. Однако проблема более сложная, т.к. форма топоров, обнаруженных, с одной стороны, на территории Средней Европы, в Крыму и Абхазии и, с другой – на территории черняховской культуры отличается. Черняховская культура, в данном случае, теоретически рассматривается как посредническая в передаче импульсов. В такой ситуации выглядит вероятным мнение М. Казанского о посредничестве варваризированной римской армии в передаче на восток некоторых германских элементов вооружения [38, р. 464]. В то же время из этой дискуссии можно исключить сарматов, которые пользовались топорами только в исключительных случаях [33, с. 51; 41, S. 215-217; 42]¹⁶.

На вопрос о генезисе топора из Килен-балки трудно найти однозначный ответ. Связывать его с непосредственными воздействиями черняховской культуры маловероятно, прежде всего по причине существенного отличия формы. Более вероятным представляется появление этого образца из районов Восточного Причерноморья (Абхазия), хотя на основе существующих неточных хронологических определений это трудно доказать. Стоит заметить, что связи района Цебельды с Крымом могут прослеживаться и в другой форме обухового вооружения / инструментов. Речь идет об экземпляре с двумя остриями, расположенными горизонтально и вертикально, напоминающем римскую *dolabra*. Такой предмет, определенный как инструмент каменотеса, найден в захоронении 36 из Цибилуим I в Абхазии [30, с. 128, рис. 3,18], а также в каменном ящике № 4 погребения 3 на крымском могильнике Чатыр-Даг [43, с. 154, рис. 6,2].

Мечи и кинжалы

В Килен-балке найдено 7 экземпляров железных мечей и кинжалов. Все находки имели два режущих края (двулезвийные), а также были снабжены с каждой стороны по одному вырезу в отражающей части клинка, создавая псевдо-перекрестие.

В склепе, открытом в 1968 году, был найден длинный (согласно сообщению автора раскопок) меч с вырезами, а во время зачистки камеры – еще один его фрагмент. До настоящего момента сохранился только обломок острия длиной

¹⁶ И. Н. Храпунов обратил внимание на существование единичных более ранних экземпляров из Восточной Европы, что одновременно с отсутствием аналогий для находок из Цебельды в черняховской культуре может подрывать тезис о германских чертах этой формы [11, с. 52]. Однако, приведенные им примеры памятников датированы неточно и их ранний характер вызывает сомнения.

6,9 см и шириной 4,2 см и фрагменты деревянных ножен (рис. 1,2)¹⁷. Определить датировку меча трудно, потому что в ограбленном склепе сохранилось немного предметов. Однако, как отмечалось ранее, здесь были найдены три бронзовые монеты Константина Великого (307-337 гг.), что позволяет датировать комплекс первой половиной IV в., а также кубок позднего периода фазы С₃ и фазы D₁.

В погребении III склепа № 1 найдены два экземпляра обоюдоострого вооружения. Первый из них – кинжал с линзовидным в разрезе клинком (рис. 2,2) длиной 31,3 см и шириной 4,3 см (измерение произведено без учета остатков ножен). На стержне сохранилась значительная часть деревянной рукояти (сохранившаяся длина – 5,8 см). Деревянная рукоять заходит на отражающую часть клинка, создавая прямоугольное поле размером 3,3х1,6 см. На участке острия меча слабо прослеживаются остатки ножен неправильной формы. Острие меча длиной 4,0 см имеет форму острого лука. Поверхность покрыта коррозией, последствием которой, без сомнения, является выщербленная поверхность острия, особенно в отражающей части клинка. Выемки в пяте клинка достигают глубины 0,5-0,7 см.

Другой, лучше сохранившийся экземпляр (рис. 2,1), более крупных размеров: его длина – 36,4 см, при этом острие отсутствует (первоначально оружие было длиннее, по крайней мере на несколько сантиметров). Клинок медленно сужается в сторону острия, а его ширина у пяты равна 4,3 см. Стержень рукояти имеет длину 5,9 см и полностью покрыт остатками набитой на него деревянной рукояти. Хотя она сильно разрушена, но ее частичная реконструкция представляется возможной – рукоять имела форму цилиндра, диаметром около 2,5-2,7 см. При этом отсутствуют какие-либо следы соединения рукояти или крепления ее к стержню. К сожалению, точно определить первоначальную длину рукояти невозможно. На поверхности клинка, в его отражающей части, наблюдается прямоугольный деревянный выступ размером 1,9х4,4 см, который является частью рукояти, хотя, начиная от границы рукоять-выступ, слой дерева становится тоньше. На незначительной поверхности в отражающей части клинка прослеживаются фрагменты ножен, которые гораздо лучше сохранились в центральной и нижней частях клинка. Несомненно, ножны состояли из двух совмещенных частей. Однако точно выявить линию соединения невозможно из-за некомплектности ножен, плохой сохранности дерева (трещины) и затирания технологических следов в процессе консервации. Восстановленная толщина стенок ножен – 0,3-0,4 см. Клинок в центральной части переломан. В результате интенсивной коррозии на этом участке появилась неправильной формы

¹⁷ Деревянные части ножен и рукояти вооружения из Килен-балки не были исследованы.

наросль ржавчины (что не является остатками металлического предмета, закрепленного на ножнах, например скобы для ремня). Вырезы в отражающей части клинка достигают глубины 0,7-0,8 см.

К сожалению, нет оснований для точной хронологии этого комплекса. Действительно, здесь обнаружены две монеты, но вследствие плохой сохранности их невозможно идентифицировать. Таким образом, единственным хронологическим детерминантом является перстень типа I по И. Н. Храпунову, который встречается в комплексах III–IV вв. [11, с. 46, 91-94]. В погребении также был обнаружен бронзовый браслет типа III по И. Н. Храпунову, который отличается очень широкой хронологией от прохоровского времени до раннего средневековья [11, с. 40]. В данной ситуации правильно будет датировать склеп временем существования всего могильника – IV в., то есть фазой C₃-D₁.

Следующий экземпляр оружия с вырезами обнаружен в погребении IV склепа № 1. Здесь найден клинок длиной 43,3 см и максимальной шириной 4,8 см, сохранившийся в двух фрагментах (рис. 3,6). Линзовидный в разрезе клинок медленно сужается в сторону острия, длина которого 5,6 см. Оружие покрыто сильной коррозией, особенно в средней и верхней части клинка (отсюда и расслоение одной из сторон псевдо-перекрестия). На стержне рукояти сохранились фрагменты деревянной рукояти (сохранившаяся длина стержня рукояти, вместе с остатками самой рукояти – 6,6 см, профиль рукояти овальный, размером 1,6x1,1 см). На одной из сторон клинка видны остатки деревянного выступа размером 3,1x2,1 см – от заходящей на клинок части рукояти. На одной из плоскостей местами прослеживаются остатки деревянных ножен. Вырезы в отражающей части клинка достигают глубины 0,5-0,8 см.

Для установления датировки комплекса может служить бронзовая фибула с подвязной ножкой (рис. 3,5). Она имеет лентообразную дужку, нижнюю тетиву и выгнутое окончание головки, служащей для усиления оси. Фибулу следует отнести к группе 15, серии VI, варианту 4 по А. К. Амброзу [44]. А. К. Амброз локализует этот тип главным образом на территории Кавказа (реже – в Абхазии, Восточной Грузии, Керчи) и датирует второй половиной I – VI вв. [44, с. 57]. И. Тейрал подобные формы отнес к хронологическим детерминантам фазы C₃, опираясь на монеты периода правления Константина, обнаруженные в крымских могильниках [4, S. 196-197, Abb. 6,15]. В число погребального инвентаря также входят четыре цельные бронзовые пряжки с утолщенной овальной рамкой (рис. 3,1-4) следующих типов: H25 (с очень утолщенной рамкой, с выделенной метопой на основе кольца, украшенной косыми прочерченными линиями в виде креста, верх кольца украшен прочерченными линиями в виде звериной головы), H30 (форма рамки близка полуовальной, насадка кольца украшена поперечными насечками), H16 (с трапециевидным щитком, прикрепленным к ремню двумя заклепками, с язычком, четко загнутым

за рамку) и Н15 (форма близка к удлинённому овалу) по Р. Мадиде-Легутко [12]. Такие экземпляры она относит к фазе D, за исключением типа Н30, отмеченного также в фазе С₂ [12, S. 65-68]. Согласно А. И. Айбабину, одну из пряжек (рис. 3,4) можно причислить к первому варианту овальных пряжек (45, с. 29, рис. 22,2), а другие пряжки (рис. 3,1-3) – к 3 варианту, характерным для второй половины IV – начала V вв. При этом обращено внимание, что более позднюю хронологическую позицию занимают экземпляры с язычком, сильнее загнутым за рамку [45, с. 28-29, рис. 2,26; 22,8-11,17,18]. На более позднюю датировку комплекса указывает и мотив звериной головы на кольце одной из пряжек. Этот образ относительно примитивный и, похоже, является предвестником развитых форм пряжек V в., украшенных зооморфными мотивами [ср.: 45, с. 29; 9, с. 48-49]. И. Тейрал синхронизировал пряжки овальной формы с утолщенной рамкой, обнаруженные в Крыму, с находками черняховской культуры, соотнося их с поздней фазой этой культуры, датированной второй половиной IV в. (поздний период фазы С₃ и фаза D₁) [4, S. 192-194]. Экземпляры, соответствующие типам Н25 и Н15, отнесены к фазе D₁ пшеворской культуры, а также найдены на территории Трансильвании и на северо-востоке Венгрии [6, S. 3, 14, 17, 19, Abb. 7,9,17]. В свете вышеописанных наблюдений, датировка анализируемого комплекса именно фазой D₁ кажется наиболее правдоподобной.

В погребении II в склепе № 3 обнаружен кинжал с вырезами, сохранившейся длины 29,8 см (рис. 6,1). Клинок местами покрыт коррозией, в результате чего расслоился один из выступов псевдо-перекрестия. Участок острия кинжала короче, чем был (реконструированная длина острия – 6 см, а целого оружия – около 31 см). Максимальная ширина линзовидного в разрезе клинка, измеренная на высоте псевдо-перекрестия, составляет 4,8 см и только незначительно сужается в сторону острия. Длина стержня рукояти – 4,5 см; на одной из его сторон сохранились следы деревянной рукояти. Дерево можно также заметить в отражающей части клинка и в незначительном количестве на других участках ножен. Вырезы в отражающей части клинка достигают глубины 0,9-1,0 см. Из представленного выше анализа комплекс датируется, скорее всего, поздним периодом фазы С₃.

В погребении III в склепе № 3 найден меч длиной 40,5 см (рис. 7,1). Клинок линзовидный в разрезе, а его наибольшая ширина (на высоте псевдо-перекрестия) составляет 4,8 см. Клинок выразительно сужается в сторону острия, имеющего длину 7,5 см и близкого в разрезе к треугольному. Стержень рукояти имеет длину 7,5 см и покрыт остатками деревянной отделки. Профиль рукояти близок к овальному. Удлиненная деревянная рукоять заметна на одной из плоских сторон клинка в виде прямоугольного выступа шириной 2,0 см и длиной 4,0 см. На противоположной стороне рукоять сохранилась только на

уровне вырезов отражающей части клинка. На участке отражающей части клинка, а также острия сохранились остатки деревянных ножен. На мече имеются следы коррозии, но тем не менее это лучше всех сохранившийся экземпляр оружия из Килен-балки. Вырезы в отражающей части клинка достигают глубины 0,8-1,0 см.

Датировка погребения III в склепе № 3 может быть определена на основании четырех овальных бронзовых пряжек с утолщенной рамкой и очень загнутым за нее язычком (рис. 7,2-5): варианта 3 по типологии А. И. Айбабина [45, с. 28, рис. 22,8-11] или типа H25 (с утолщенной передней и прямой тонкой задней стороной рамки, с утолщением на язычке) и типа H12 по Р. Мадиде-Легутко [12]. Эти пряжки характерны для конца римского периода и для раннего времени великого переселения народов. Хронология типа H25 сужается до фазы D [12, S. 64-65, 67]. По утолщенной округлой рамке пряжка типа H25 соответствует экземплярам, датированным фазой D₁ в пшеворской культуре, Трансильвании и северо-восточной Венгрии [6, Abb. 3,17,19,26; 7,17], а также крымским находкам, которые И. Тейрал относит к рубежу фаз C₃/D и фазе D₁ [4, S. 209-212, Abb. 6,3]. В этом случае следует учитывать фазу D₁ (может быть ее начальный этап), на что указывают обнаруженные в захоронении монеты IV века (самая поздняя из которых была выпущена в период правления императора Валента в 364-378 гг.). А. И. Айбабин однотипные пряжки 3 варианта по найденным с ними в могилах вещам и монетам отнес ко второй половине IV – первой половине V в. [46, с. 259, табл. XXVII,87]. В комплексе имеется и большая (размеры рамки 5,4х3,4 см) железная пряжка с овальной рамкой без выразительного утолщения, с прямым боком, на котором прикреплено кольцо. Пряжка близка типу H13 по Р. Мадиде-Легутко, датированном концом позднеримского периода и началом времени великого переселения народов [12, S. 64-65]. Морфологические черты (овальная форма, прямая одна из сторон) подтверждают предложенную хронологию погребального комплекса¹⁸.

Последний из мечей найден в склепе № 6. Рукоять оружия обломана, приблизительно в середине ее длины. Сохранившаяся длина – 39,5 см. Меч находится в деревянных ножнах, сохранившихся на значительной поверхности, хотя очень потрескавшихся. Этот факт ограничивает изучение самого меча и части рукояти, оставшейся в ножнах. Не сохранилась одна из боковых отражающих частей меча, имеющая выемку. Другой вырез достигает глубины 0,6 см (до настоящего момента в этой части оружия ножны не сохранились). На поверхности дерева четко видны кусочки ткани – в средней части на одной из сторон и на острие меча (рис. 10); на другой стороне (рис. 9) эти следы менее заметны. Дерево также сохранилось на рукояти, выполненной из целого куска

¹⁸ В качестве аналогии можно привести железную пряжку размером 6,0х3,5 см из захоронения 58 могильника масломенчской группы в Грудке над Бугом [47, рис. 44,d], датированную фазой D₁ [48, p. 55].

дерева (обычно потрескавшегося), овального в разрезе (диаметр 2,0x1,4 см). Максимальная ширина меча (в ножнах) в отражающей части составляет 4,8 см. Ножны значительно сужаются в нижней части, это позволяет думать, что меч имел относительно длинное треугольное по форме острие (7-8 см). На ножнах не сохранилось никаких металлических или органических следов крепления (кусочки упомянутой ткани, бесспорно, связаны с погребальным обрядом).

О хронологии меча можно судить по погребению с двумя железными арбалетными фибулами очень плохой сохранности. Они относятся к группе 16, подгруппе 2, серии I по А. К. Амброзу [44], точно определить вариант невозможно. Фибулы варианта I из Крыма исследователь датировал второй половиной III в. [44, с. 62], но арбалетные фибулы здесь распространены до второй половины IV в. [46, с. 261] – периода, синхронного поздней фазе черняховской культуры (поздний этап фазы С₃ и фаза D₁) [4, S. 192-193]. К этому времени также относится найденный в склепе 6 стеклянный кубок на ножке, местной продукции [4, S. 192, Abb. 5, 15-16]. Поэтому погребение следует датировать IV в., скорее, второй половиной этого столетия.

Изученное оружие демонстрирует разницу в размерах, позволяя выделить две выразительные группы: а) длиной около 30 см (склеп 1, погребение III; склеп 3, погребение II); б) длиной 40 см и немного длиннее (склеп 1, погребение III; склеп 1, погребение IV; склеп 3, погребение III; склеп 6; возможно, также склеп 1968 г.). Это должно найти отражение в терминологии: первые из них следует определить как кинжалы, а вторые – как мечи. В сарматской среде кинжалы разных форм встречаются часто, некоторые из них сопровождали мечи в погребальном инвентаре [33; 49]. Однако следует поставить вопрос о их боевой пригодности. Некоторые формы сарматских кинжалов имеют морфологические черты, бесспорно указывающие на военное использование, особенно трехгранная форма лезвия с острием [33, табл. I-II; IV-V; X]. В то же время, кинжал из погребения I склепа 3 имел широкий клинок и острие в форме острого лука. Эти черты присущи мечам, а не кинжалам, т.к. предусматривают их режущую функцию. Поэтому вероятно, что кинжалы с вырезами служили не только военным целям. По крайней мере, в некоторых случаях можно допустить, что они являлись отличительным признаком в военной иерархии, а не просто оружием. Похожее предназначение имели кинжалы в римской армии, в случае необходимости используемые при нападении, однако, прежде всего выступавшие как ценный указатель ранга [50, p. 76].

Мечи и кинжалы с вырезами из Килен-балки вписываются в рамки фаз С₃-D₁. Хотя заметна некоторая морфологическая разница в размерах и в форме оружия (выделяются формы с подтреугольным острием из склепа 3, погребения III, а также из склепа 6), но собранный материал не дает оснований проследить смену форм оружия в данный период.

Все изученные экземпляры следует причислить к типу V по А. М. Хазанову, охватывающему короткие сарматские мечи или кинжалы с вырезами [33, с. 17]. Их также называют «меотскими». Они распространены, главным образом, в районе Северного Кавказа, а также Восточного и Южного Крыма, хотя имеются и в степях Кубани, распространяясь до бассейна рек Дона и Нижней Волги [51]. Изредка встречаются на территории черняховской культуры, прежде всего, концентрируясь в юго-западной части ее распространения [27, с. 305-306].

Появление этого типа оружия исследователи относили ко II–III вв., на основании находок из захоронения № 181 могильника на горе Митридат в Керчи [напр.: 52, с. 159; 33, с. 24; 27, с. 306; ср.: 53, с. 40]. В. Супо самыми ранними экземплярами считает происходящие из района Северного Кавказа (экземпляр из кургана 13 в Кишпеке начала IV в.) [51, с. 60-61]. По мнению И. Н. Храпунова, оружие такого типа появляется только в комплексах IV в. и отмечено вплоть до VII в. [51, с. 72; 54, S. 80-84; 11, с. 43]. Как показал А. И. Айбабин, мечи с вырезом у рукояти появились в III в. у алан Северного Кавказа, а с начала IV в. распространились в степях Подонья, Прикубанья и Поволжья, во второй половине IV в. – в Крыму и на памятниках черняховской культуры [46, с. 70].

Несколько позднее этот вид оружия появился в Центральной Европе. По мнению Р. Хархою, его следует датировать временем от середины IV до начала V вв. и связывать с горизонтом находок кочевнического характера [54, S. 83-87]. Эволюцию меотского типа продолжительное время можно проследить в районе Северного Кавказа, о чем свидетельствуют поздние формы с двумя парами вырезов [51, с. 72, 76]. Самые ранние находки указывают на Северный Кавказ как на генетическую территорию для этого типа, а их распространение в Северном Причерноморье и в черняховской культуре в IV в. объясняется миграцией аланов, пользующихся этим оружием [46, с. 70; 51, с. 72, 76; 54, S. 86-87].

Вышеизложенное представляется актуальным, хотя нужно заметить, что находки мечей и кинжалов с вырезами постоянно пополняются. В сравнении с каталогом В. Супо [51] значительно увеличилось количество находок с территории Крыма. Автор располагала очень общими знаниями, касающимися оружия из Дружного, Лучистого, Килен-балки, только упоминая, что оружие меотского типа присутствует на этих могильниках [51, с. 67-69]. Помимо этого автор упомянула классические находки из Боспорского царства [ср.: 52, с. 157-159; 55], Южного Крыма: экземпляры из погребения 3 склепа № 2 и погребения 3 склепа № 3 в Озерном III [56, с. 236, 245, 248, рис. 1,4; 6,12; 7,12; 8,1-4], из Харакса, могила 11 [36, с. 268]¹⁹, а также Инкермана, склеп № 7 [57, с. 38, рис. 8,10]. В настоящее время мы располагаем более значительной информацией о находках мечей / кинжалов из упомянутых некрополей. Пятнадцать экземпляров происходят из

¹⁹ В. Супо ошибочно ссылается: «Соколовский 1954: 14-25» [51, с. 71].

могильника Дружное [11, с. 43, рис. 72,7-8; 90,1-3; 101,3; 164,3,10; 170,29; 184,3-4; 192,9; 199,6; 212,6-7], по крайней мере несколько штук найдено в Лучистом: склеп № 55 [58, с. 279, рис. 8,16], погребение 4 склепа № 88 [46, рис. 26, 2; 58, с. 289, рис. 17,7], могила № 168 [53, с. 37, рис. 2,17]. Список находок из Крыма можно продолжить восьмью экземплярами из могильника Суворово: склепы №№ 26, 29, 30, могила 28 [59, с. 110, 114, рис. 62-64], погребение 1 склепа № 51, склеп № 52, могила № 55 [60, с. 58-59, 62, рис. 2,9; 6,2; 13,10], находками из могильника в Вишневом [61, рис. 9], а также рассмотренными в настоящей статье находками из Килен-балки²⁰.

Следует поставить вопрос о функциональном назначении вырезов на пяте оружия. Считается, что этот элемент служил для крепления перекрестия, а по причине отсутствия остатков последнего признано, что перекрестие было выполнено из дерева и не сохранилось до настоящего времени [33, с. 17; 52, с. 159]. Находки из Килен-балки позволяют исключить такую интерпретацию, так как остатки деревянного черенка рукояти опускаются так далеко на поверхность клинка, что не хватает места на перекрестие (мечи из погребения III склепа № 1, погребения III склепа № 3 и кинжал из погребения IV склепа № 1). На участке пяты рукояти меча из склепа № 6 хорошо сохранились остатки деревянных ножен. Они не оставляют свободного места для перекрестия. Кроме того, несмотря на хорошую сохранность дерева, не замечено никаких следов перекрестия, даже участков с горизонтальным расположением волокон дерева [ср.: 11, с. 43]. Автором другой концепции является М. Б. Щукин. Исследователь считает, что кинжалы с вырезами являлись вспомогательным оружием, сопровождающим мечи. Находящийся в левой руке кинжал позволял заклинивать оружие противника (для этого и существовали вырезы) и одновременно наносить удар мечом правой рукой [65, р. 327; ср.: 9, с. 55]. Эта концепция, хотя и поддержана разными авторами [27, с. 305; 41, S. 244; 51, с. 72], представляется неправдоподобной. Ей противоречит, прежде всего, факт наличия таких вырезов как на коротких экземплярах (кинжалах), так и длинных (мечах), иногда даже в одном погребальном комплексе (погребение III склепа № 1 в Килен-балке). Это исключает использование вырезов только на вспомогательном оружии, скорее всего, они использовались повсеместно. Следует заметить, что в некоторых случаях вырезы располагаются на сужении клинка, на участке, на котором его ширина меньше отражающей части клинка. Вероятно, мы имеем дело со стержнем рукояти²¹. Пользоваться оружием таким способом, какой предлагает М. Б. Щукин, было бы очень опасно, по причине отсутствия перекрестия, охраняющего кисть руки, а в

²⁰ Мы должны упомянуть еще Чатыр-Даг, раскопанный В. Л. Мыцом [43; 62], где в могиле 12 был найден кинжал с вырезами [63, с. 254, рис. 3,1], и могильник Сиреневая Бухта, где в склепе 19/7 был найден такой же кинжал [64, рис. 2,1].

²¹ Например, могила № 21, погребение Н в Дружном [11, с. 20-21, рис. 101,3], Керчь [52, рис. 7,1].

случае локализации вырезов на сужении клинка было бы так же эффективно, как блокировка удара меча кулаком.

Стоит рассмотреть другие объяснения таких вырезов. Они могли, например, служить для закрепления ремня или шнура, на который навешивалась крупная бусина (*Schwertperle*). Такие бусы, выполненные из ценного сырья (янтарь, халцедон, горный хрусталь и т.п.), крепились у ножен или как украшение навершия и были популярны в сарматской среде [33, с. 16; 41, S. 230], также были известны на территории Абхазии [31, с. 95; 30, с. 130], в Крыму: на Боспоре [52, с. 160], в Лучистом, погребение 5 склепа № 88 [58, с. 291, рис. 21,16]²². Благодаря межрегиональным контактам они попали в германскую среду, где засвидетельствованы уже в фазе C₁ [66, S. 371-377, см. литературу]. В случае могильника в Килен-балке отсутствуют экземпляры, которые можно интерпретировать как бусины от рукояти мечей. Сомнение может вызывать только 12-гранная бусина из сердолика, найденная в погребении III склепа № 1 в районе грудной клетки, недалеко от рукояти кинжала. Ее небольшие размеры (1,5 см) исключают возможность применения в качестве навершия. На мой взгляд, в этой ситуации сомнительно, чтобы вырезы служили для укрепления ремней, на которых были подвешены бусины. Также кажется маловероятным предположение Н. И. Сокольского [52, с. 160], что повсеместно были использованы бусины, выполненные из дерева и поэтому редко можно найти комплекты бусина – меч (кинжал). Стоит также подумать, не облегчали ли вырезы крепление петли, страхующей от потери оружия во время боя²³. Однако их наличие как у режущего оружия, так и у кинжалов, военное применение которых не является очевидным, вышеприведенное объяснение заставляет признать неудовлетворительным.

В решении поставленной проблемы наиболее вероятным кажется предположение, что вырезы служили для крепления ремня, которым обматывалась деревянная рукоять. При этом вырезы не кажутся настолько глубокими, чтобы ослабить клинок. Важно заметить, что в случае проанализированных форм рукоять была длиннее, чем стержень рукояти. Во время пользования таким оружием крепление накладок рукояти ослаблялось и в случае отсутствия дополнительного усиления это, бесспорно, быстро привело бы к расщеплению накладок. В то же время мечи (кинжалы) с

²² И. Н. Храпунов интерпретирует находку янтарной бусины из погребения А могилы № 3 в Дружном как пример украшения навершия кинжала [11, с. 43-44, рис. 72,1]. Однако это неправдоподобно, потому что делало бы невозможным закрепление на стержне рукояти деревянных накладок. Очень короткий (несколько сантиметров) железный стержень рукояти делает невозможным захват целой ладонью, тем более, что янтарная бусина дополнительно уменьшила бы это расстояние. Сомнения вызывает еще один факт: бусина располагалась далеко от меча [11, с. 15, 44].

²³ Е. У. Нагберг даже допускал, что бусины от рукояти мечей служили как зажим именно для такой петли, охватывающей запястье [67, р. 43-45]. Однако, трудно согласиться с такой утилитарной интерпретацией.

вырезами не сопровождаются какими-либо заклепками, соединяющими накладки. Может быть для этой цели служил ремень, обвивающий рукоять, что позволяло надежнее прикрепить рукоять к стержню. Так как рукоять прямоугольным выступом заходит на отражающую часть клинка ниже вырезов, ремень также прикреплял бы рукоять к клинку²⁴. В этой части деревянная рукоять тоньше, как бы помещалась в ножнах.

О том, что подобные приемы не были явлением исключительным в Восточной Европе, свидетельствует обматывание сарматских кинжалов и мечей кожей (ремнями), иногда даже окрашенной (Пороги) [41, S. 217-218, 224, 229, 244]. В то же время некоторые сомнения вызывает использование мечей, снабженных двумя парами вырезов: дополнительная пара не влияла на прочность закрепления ремня или шнура. Может быть, в таких случаях следует говорить о специфической стилистике, в которой привлекательным был сам вид вырезов, а не только их функция. Во время раскопок исследователям следует обращать особое внимание на остатки органических материалов, залегающих вокруг рукояти кинжалов и мечей. Это, возможно, позволит понять назначение вырезов.

Необходимо заметить, что деревянные накладки рукояти, заходящие на клинок, могли выполнять еще одну функцию, исходящую из способа пользования оружием. Обратимся к восточным аналогиям. Изображения на сасанидских сосудах и фресках из Восточного Туркестана показывают, что в иранском мире рукоять оружия захватывалась ладонью, а одновременно вытянутый указательный палец опирался о клинок с внутренней стороны, что позволяло более крепко держать меч. По всей вероятности, подобным образом воевали и сарматы [33, с. 16-17, табл. XVI, 1; ср.: 49, pl. 34]. Такой захват был возможен, так как перекрестия мечей были незначительных размеров или вообще отсутствовали. Давление пальца могло иметь место и с внешней стороны клинка. Это позволяло достаточно эффективно пользоваться оружием (в фехтовании именно указательный палец играет важнейшую роль при действии мечом). Тогда деревянный выступ на клинке давал бы стабильную опору и уменьшал скольжение пальца по клинку. Такой обхват рукояти объясняет, почему деревянный выступ зарегистрирован иногда только на одной стороне клинка: опоры требовал только один палец.

На основании исследований в Килен-балке в некоторой степени представляется возможным реконструировать форму ножен. Их очертания повторяли форму клинка, который вкладывали в ножны так глубоко, чтобы вырезы в отражающей части входили внутрь. Ножны выполнены полностью из дерева: не

²⁴ Подобное удлинение рукояти можно заметить на мече из погребения 5 склепа 88 в Лучистом, где металлический стержень рукояти заходил на клинок и был к ней приклепан [58, с. 291, рис. 17,4]. Однако, в этом случае, бесспорно, мы имеем дело со следами ремонта оружия.

сохранилось никаких следов оковки. Данных о способе крепления ножен недостаточно. Можно предположить, что портупейные ремни продевали через отверстия в несохранившемся кожаном покрытии ножен. На основании представленных выше материалов невозможно подтвердить догадки А. М. Хазанова, что ножны имели деревянные расширения, через которые продевали ремни [33, с. 27, табл. XXXIV,1-2].

К сожалению, анализ комплексов вооружения не позволяет сделать значительные выводы, тем более, что некоторые из склепов оказались ограбленными (склепы 1968 года, №№ 2, 4, 6) или были открыты случайно, без фиксации (склеп № 3). В таких случаях реконструкция комплексов вооружения, помещенного в погребения, невозможна. Остальные комплексы вооружения (склеп № 1, погребение I – меч и кинжал, погребение II – кинжал) не составляют комплект вооружения, использованного в бою. В Килен-балке отсутствовали какие-либо элементы защитного оснащения (щит, панцирь) или конного снаряжения.

Подводя итоги, следует заметить, что вооружение из могильника в Килен-балке находит широкие и неоднородные аналогии. Конические наконечники имеют связи с известными формами позднеаримского времени и начала эпохи великого переселения народов в Центральной и Северной Европе, а также на территории Абхазии (цебельдинская культура) и Молдавии (черняховская культура). Экземпляры, близкие топору из Килен-балки, можно найти в районе Центральной Европы и в древней Цебельде, хотя находки немногочисленны. В свою очередь, мечи / кинжалы с вырезами известны в Причерноморском регионе, на Кавказе, также встречаются в Карпатской долине и Молдавии. Без сомнения, все категории вооружения находят аналогии на крымских могильниках.

Дискуссия по поводу этнического состава населения Крыма в IV в. идет очень активно [9; 11, с. 73-80; 46; 68-71]. При этом доминирует взгляд, подчеркивающий роль алан, мигрирующих в IV в. с Кавказа, как группы, приносящей в Крым новые элементы культуры, в том числе и вооружение. Судя по оружию из Килен-балки, это не так однозначно, так как явно прослеживается многостороннее внешнее влияние. Надеемся, что комплексное исследование всех категорий погребального инвентаря, а также сравнительный анализ погребального обряда изменят существующую ситуацию.

Перевод с языка оригинала Л. А. Ковалевской

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савеля О. Я., Савеля Д. Ю.* Могильники позднеантичной – ранневизантийской поры на Гераклеийском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991-1992 гг.) // *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.)*. Тезисы докладов междунар. конф. Симферополь, 1994.
2. *Савеля О. Я., Савеля Д. Ю.* Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского – ранневизантийского времени // *Византия и Крым*. Тезисы докладов междунар. конф. Симферополь, 1997.
3. *Нессель В. А.* Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // *ХСБ*. Севастополь, 2003. Вып. XII.
4. *Tejral J.* Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Archaeologia Baltica*. Łódź, 1986. VII.
5. *Tejral J.* Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // *Archaeologia Austriaca*. 1988. 72.
6. *Tejral J.* Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Mittelalter*. Materialien des III. Internationalen Symposiums: Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet. Kraków, 1992.
7. *Bierbrauer V.* Historische Überlieferung und archäologischer Befund ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Mittelalter*. Materialien des III. Internationalen Symposiums: Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet. Kraków, 1992.
8. *Bursche A.* Later Roman-Barbarian Contacts in Central Europe. Numismatic Evidence // *Studien zu Fundmünzen der Antike*. Berlin, 1996. 11.
9. *Амброз А. К.* Юго-западный Крым. Могильники IV-VI вв. // *МАИЭТ*. 1994. Вып. IV.
10. *Демьянчук С. Г.* Монеты из раскопок могильника в Килен-балке // *Światowit*. N. s. VII (XLVIII), fasc. A (в печати).
11. *Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
12. *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // *BAR International Series*. Oxford, 1986. Vol. 360.
13. *Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.* В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // *КСИА*. 1989. Вып. 198.
14. *Kontny B.* Broń z cmentarzyska kultury kurhanów wschodnioliteńskich w Słobódce (?) na Białorusi w świetle podobnych odkryć // *Barbaricum*. Warszawa, 2004. T. 7.
15. *Godłowski K.* Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Mittelalter*. Materialien des III. Internationalen Symposiums: Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet. Kraków, 1992.
16. *Kontny B.* Znaleziska toków z obszaru kultury przeworskiej // *Światowit*. 1999. N. s. I (XLII), fasc. B.
17. *Martens J.* A Wooden Shield-Boss from Kvärlöv, Scania. Some Remarks on the Weaponry of the Early Pre-Roman Iron Age in Northern Europe and the Origin of the Hjortspring Warriors // "Trans Albim Fluvium". Forschungen zur vorrömischen, kaiserzeitlichen und mittelalterlichen Archäologie. Festschrift für Achim Leube zum 65. Rahden / Westf., 2001.
18. *Kaul F.* The Hjortspring find // *Hjortspring. A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context*. Roskilde, 2003.

19. *Kaul F.* The Hjortspring find. The oldest of the large Nordic war booty sacrifices // The Spoils of Victory. The North in the shadow of the Roman Empire. Copenhagen, 2003.
20. *Schmiedehelm M.* Das Gräberfeld Gaşior // *Archaeologia Baltica*. Łódź, 1990. IX.
21. *Nowakowski W.* Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. Warszawa, 1995. [Barbaricum 4].
22. *Droberjar E., Peška J.* Waffengräber der römischen Kaiserzeit in Mähren und die Bewaffnung aus dem Königsgrab bei Mušov // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg; Lublin, 1994.
23. *Raddatz K.* Pfeilspitzen aus dem Moorfund von Nydam // *Offa*. 1963. 20.
24. *Paulsen H.* Bögen und Pfeile // *Bemmann J., Bemmann G.* Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II. Band 1: Text. Neumünster, 1998.
25. *Ilkjaer J.* Illerup Adal. 1. Die Lanzen und Speere. Textband. Aarhus, 1990. [Jutland Archaeological Society Publications XXV: 1].
26. *Рикман Е. А.* Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
27. *Магомедов Б. В., Левада М. Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
28. *Gudea N.* Römische Waffen aus Kastellen des westlichen Limes von Dacia Porolissensis // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg; Lublin, 1994.
29. *Kokowski A.* Vorschlag zur relativen Chronologie der südöstlichen Kulturen des "Gotenkreises" (Die Forschungsergebnisse zur Masłomęcz-Gruppe in Polen) // Die Sıntana de Mureş-Cernjachov-Kultur. Akten des Internationales Kolloquiums in Caputh. Bonn, 1999.
30. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV-VI вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
31. *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
32. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II-IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1.
33. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
34. *Godłowski K.* Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich // *Arma et Orlae*. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa. Łódź, 1992.
35. *Kieferling G.* Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg; Lublin, 1994.
36. *Блаватский В. Д.* Харакс // МИА. 1951. Вып. 19.
37. *Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. 1992. Вып. 2.
38. *Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg; Lublin, 1994.
39. *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А.* Апуштинский могильник IV-VI вв. н.э. в Абхазии // СА. 1970. № 1.
40. *Domański G.* Kultura luboszycka między Łabą a Odrą w II-IV wieku. Wrocław, 1979.
41. *Simonenko A. V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // *Eurasia Antiqua*. 2001. 7.
42. *Bărcă V.* Die sarmatische Verteidigungsausrüstung und -bewaffnung // Römer und Barbaren an der Grenzen des römischen Daciens. [Acta Musei Porolissensis XXI]. Zalău, 1997.

43. *Мыц В. Л.* Могильник III-V вв. н. э. на склоне Чатыр-Дара // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев, 1987.
44. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
45. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
46. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
47. *Kokowski A.* Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej // Lubelskie Materiały Archeologiczne. Lublin, 1993. Vol. VII.
48. *Kokowski A.* Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1995.
49. *Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
50. *Bishop M. C., Coulston J. C. N.* Roman military equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London, 1993.
51. *Soupaull V.* A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et epees a encoches (IVe-VIle s.) // МАИЭТ. 1994. Вып. V.
52. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. Вып. 33.
53. *Айбабин А. И.* Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
54. *Narhoiu R.* Das Kurzschwert von Micia // Dacia. 1988. 32, n° 1-2.
55. *Засецкая И. П.* Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
56. *Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963-65 гг. // СА. 1977. № 4.
57. *Веймарн Е. В.* Археологические работы в районе Инкермана // АП УРСР. 1963. XIII.
58. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
59. *Зайцев Ю. П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1997.
60. *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
61. *Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Новые памятники III-IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2000. Вып. VIII.
62. *Мыц В. Л.* Чатырдагский могильник последней трети III – первой половины V вв. н. э. (к вопросу о первоначальном месте расселения Готов-Тетракситов) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов междунар. конф. Симферополь, 1994.
63. *Вознесенская Г. А., Левада М. Е.* Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
64. *Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
65. *Šćukin M. B.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'époque romaine (d'après et spécialement les umbo de boucliers et les lances // L'armée romaine et les barbares de IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
66. *von Carnap-Bornheim C.* Zu "magischen" Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg, 2003.
67. *Hagberg U. E.* The Archaeology of Skedemosse. Vol. II: The Votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden. Stockholm, 1967.

68. *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднееримского периода // СА. 1984. № 1.
69. *Айбабин А. И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев, 1987.
70. *Айбабин А. И.* Население Крыма в середине III – IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. VI.
71. *Храпунов И. Н.* О населении Крыма в позднееримское время // РА. 1999. № 2.
72. *Nessel V. A.* Red slip pottery from the Kilen-balka necropolis (South Crimea) // Światowit. 2001. N. s. I (XLIV), fasc. A.

Kontnu B., Savelya D. Yu.
Weaponry from Kilen-Balka Cemetery
Summary

Detailed characteristic of heads of shaft-weapon, battle-axe, swords and daggers found in burials of the cemetery in Kilen-Balka not far from Chersonesos Tauris is given in this article. Weaponry from Kilen-Balka cemetery find wide analogies with that one from Crimean cemeteries, Druzhnoye in particular. Beyond Crimea cone heads are associated with well known forms of late-Roman time and the beginning of the epoch of Great Migration of Nations in Central and Northern Europe, as well as on the territory of Abkhazia (Tzebelinskaya culture) and Moldavia (Chernyakhovskaya culture). Few objects close to axe from Kilen-Balka can be found in the region of Central Europe and in ancient Tzebelda. Discovered swords and daggers are related to Meotic type and are prevalent in the Black Sea Coast region, in the Caucasus, are met in the Carpathian valley and in Moldavia.

A common view held in modern literature emphasizes the role of the Alans migrating in the 4th century from the Caucasus as groups bringing new cultural specimen including those in the sphere of military ammunition to the Crimea. It is not so unambiguous in the light of the finds from Kilen-Balka as multilateral external influence is obviously traced there.

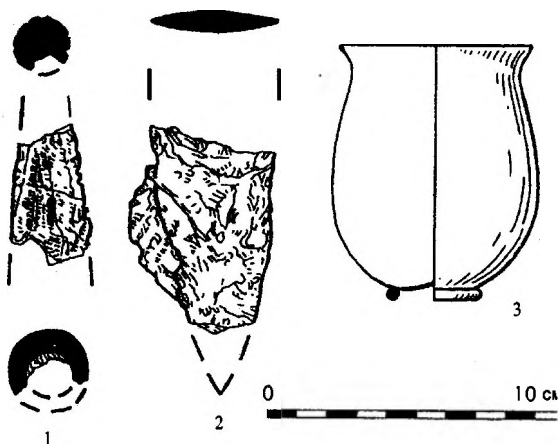

Рис. 1. Находки из склепа 1968 г.:
1 – фрагмент железного наконечника
древкового оружия, 2 – фрагмент
железного меча, 3 – стеклянный кубок.

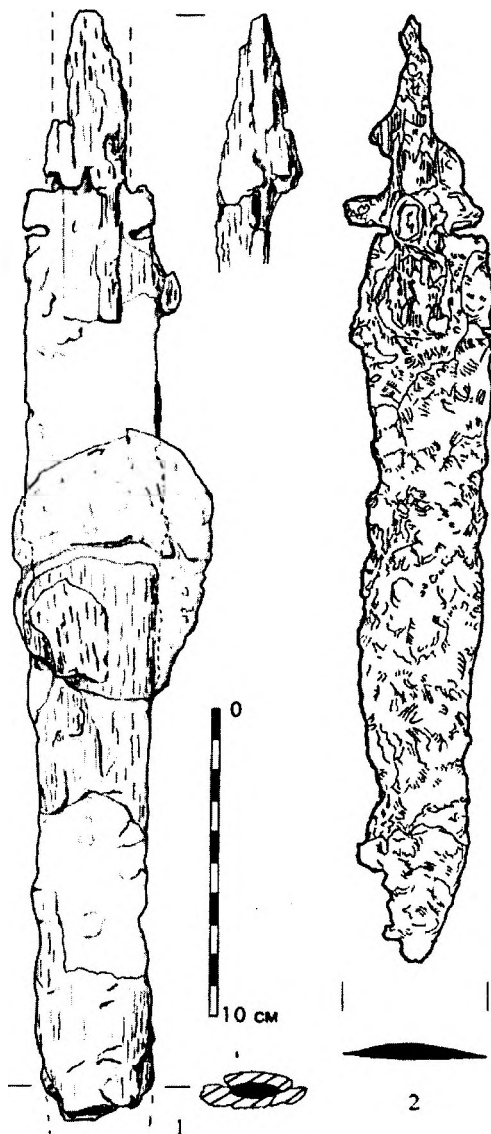

Рис. 2. Вооружение из погребения III,
склепа № 1 в Килен-балке:
1 – железный меч с фрагментами
деревянных ножен и рукояти, 2 –
железный кинжал с фрагментами
деревянной рукояти.

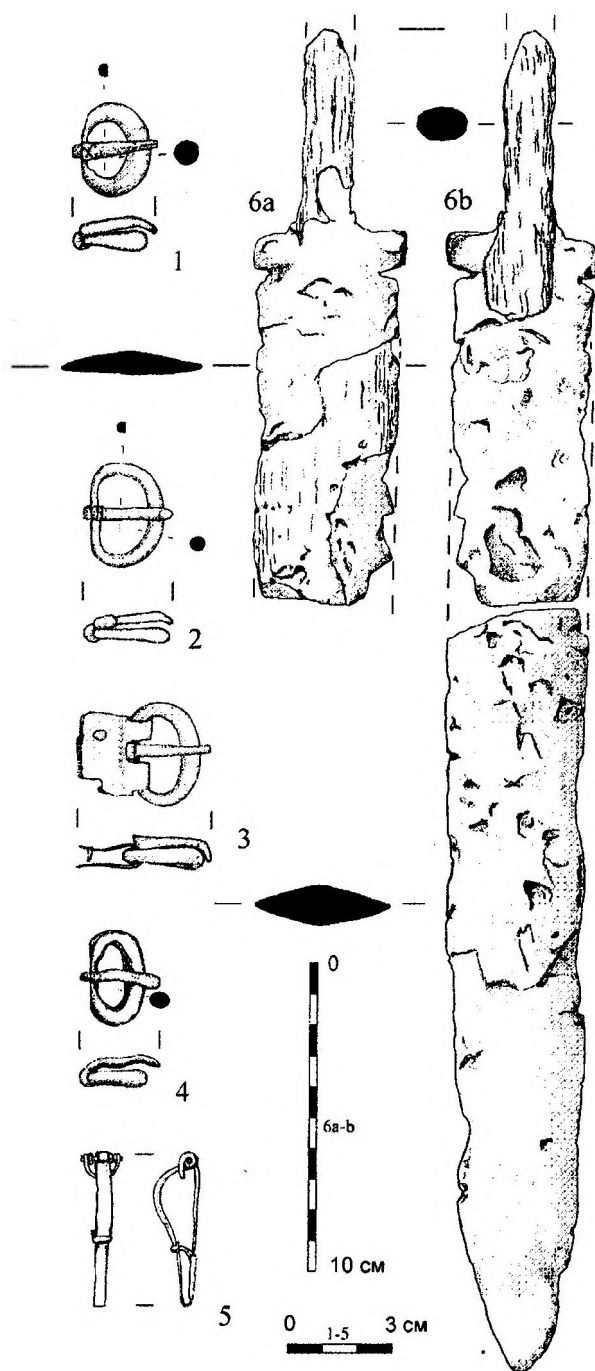

Рис. 3. Находки из погребения IV, склепа № 1 в Килен-балке:

1-4 – бронзовые пряжки, 5 – бронзовая фибула, 6 – железный меч с фрагментами деревянных ножен и рукояти.

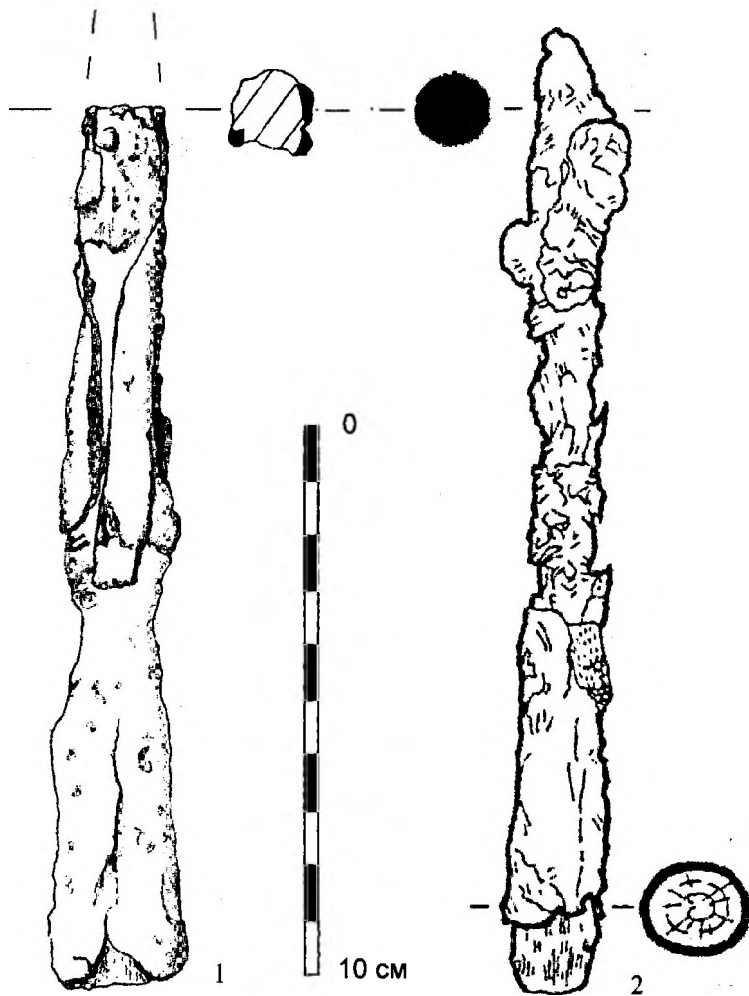

Рис. 4. Железные наконечники древкового оружия из склепа № 2 в Килен-балке.

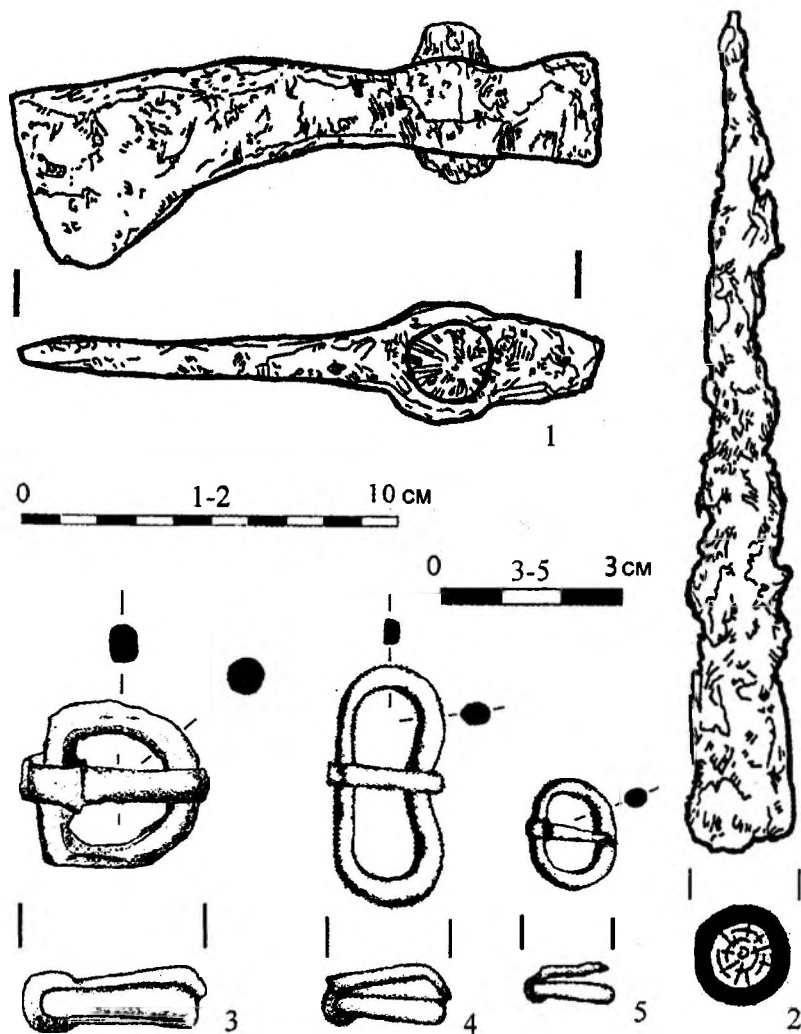

Рис. 5. Находки из погребения I, склепа № 3 в Килен-балке: 1 – железный топор, 2 – железный наконечник древкового оружия, 3 – железная пряжка, 4-5 – бронзовые пряжки.

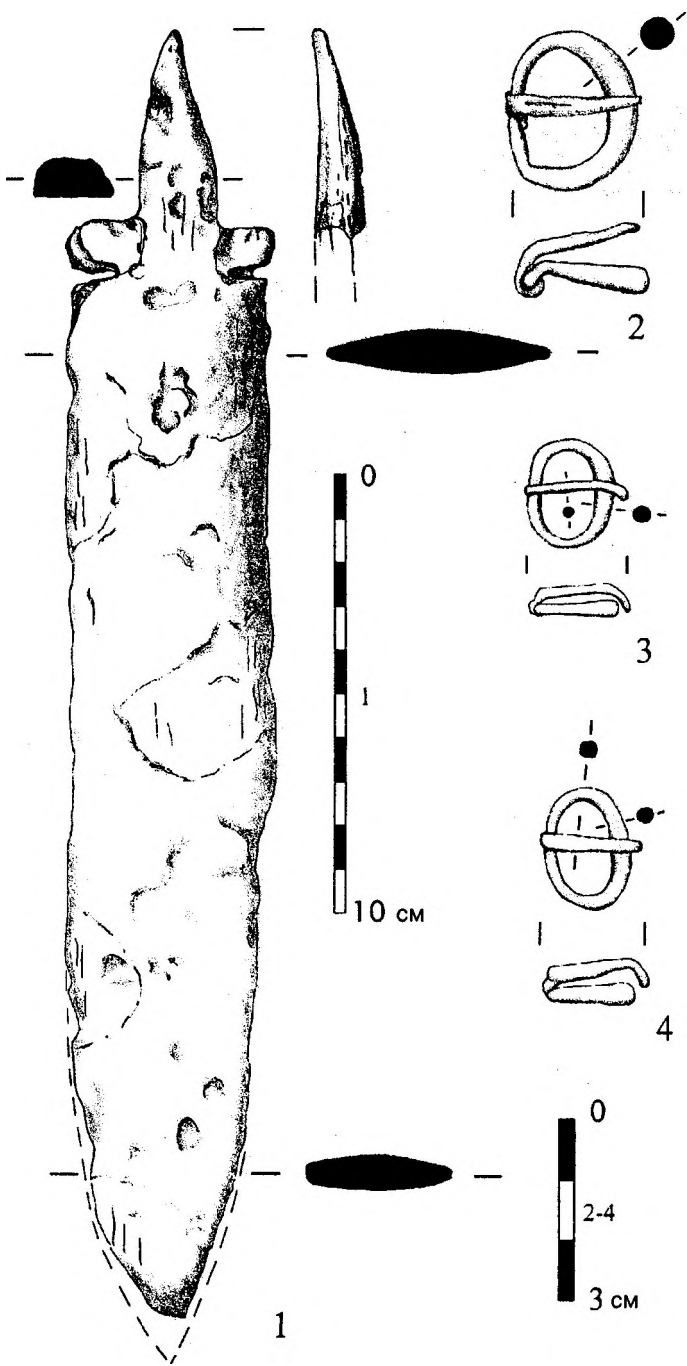

Рис. 6. Находки из погребения II, склепа № 3 в Килен-балке:

1 – железный кинжал с фрагментами деревянных ножен и рукояти, 2-4 – бронзовые пряжки.

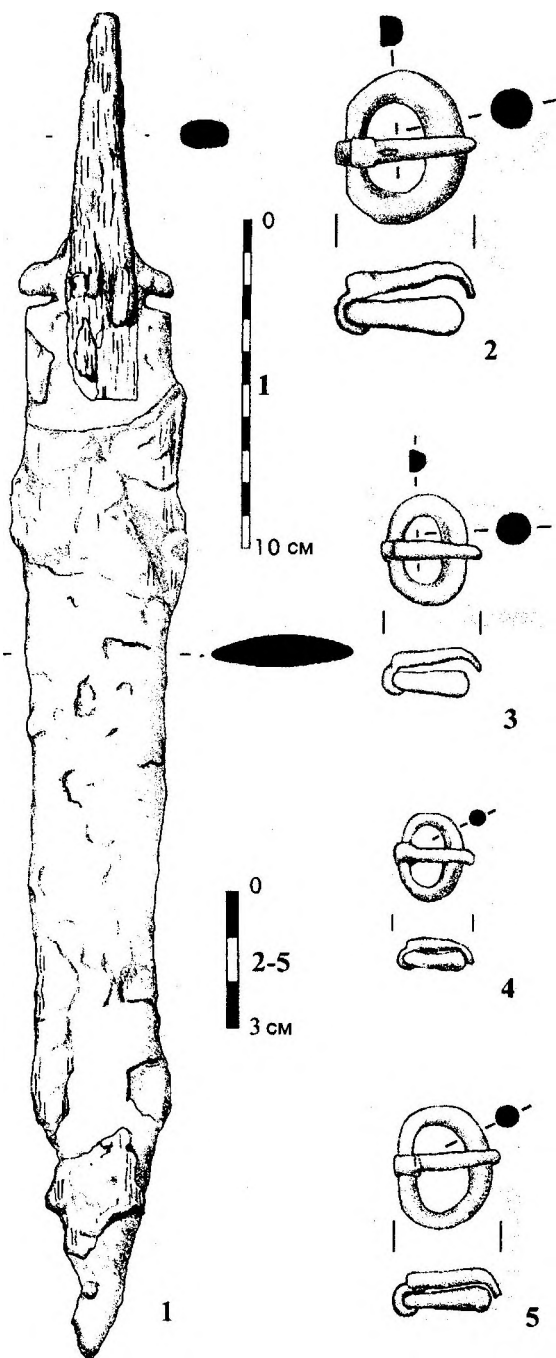
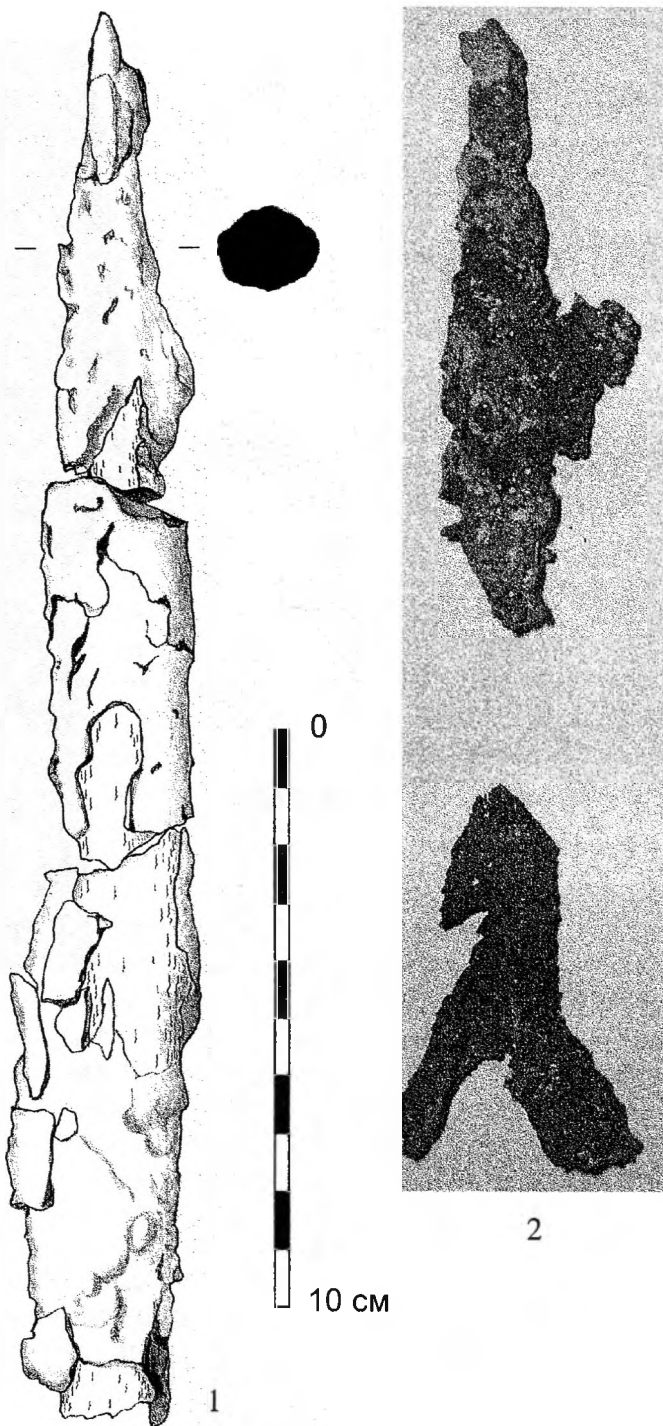

Рис. 7. Находки из погребения III, склепа № 3 в Килен-балке:

1 – железный меч с фрагментами деревянных ножен и рукояти, 2-5 – бронзовые пряжки.

Рис. 8. Железные наконечники древкового оружия из склепа № 4 в Килен-балке.

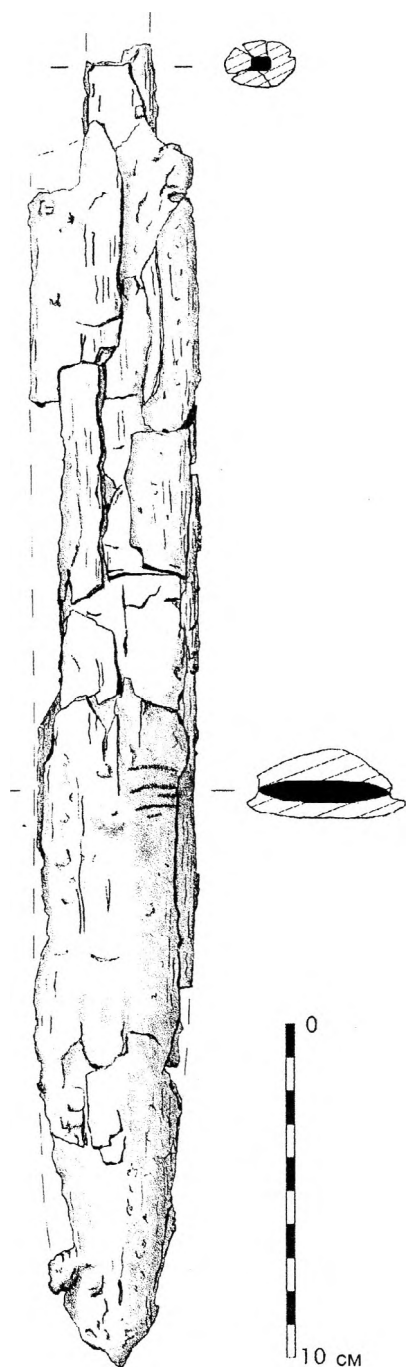

Рис. 10. Оттиск ткани на деревянных ножнах из склепа № 6 в Килен-балке.

Рис. 9. Железный меч и деревянные ножны из склепа № 6 в Килен-балке.